

**Отзыв официального оппонента Гимона Тимофея Валентиновича
о диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук
Рудакова Владимира Николаевича
«Русские князья – современники нашествия Батыя в отечественном
историописании второй половины XIII – XVI в.» (М., 2026)
Специальность 5.6.1. – Отечественная история**

Докторская диссертация В.Н. Рудакова посвящена исторической памяти о событиях нашествия Батыя в древнерусской книжности XIII–XVI вв. Автор ограничивает свое рассмотрение, казалось бы, очень конкретным сюжетом: эволюцией образа князей – современников нашествия Батыя. Хотя таковых в источниках упоминается менее 40, работа, посвященная им превратилась в объемистый и очень фундаментальный научный труд, далеко выходящий за границы проблематики исторической памяти и историописания – в область как фактической истории событий XIII в., так и летописной текстологии, и истории ментальности.

Очень разумно обоснованы хронологические рамки исследования, XIII–XVI вв. (с. 29): от самого Батыева нашествия и до эпохи Смутного времени (но не включая ее). Хочется отметить очень тщательно проработанные методологический и терминологический разделы введения, написанные, что не так часто встречается, содержательно и обстоятельно (с. 30–37).

Основными источниками являются летописи – как «триада» самых ранних (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I), так огромный массив более поздних сводов (новгородско-софийские летописи, московские своды второй половины XV в., Никоновская летопись, Лицевой свод и мн. др.), содержащих повествование о нашествии Батыя. Также в число основных источников диссертации входят памятники агиографии (в первую очередь жития Александра Невского и Михаила Черниговского) и ряд других литературных текстов. Одно перечисление «дополнительных» источников диссертации (более ранних летописей, иностранных источников и мн. др.) заняло во введении к диссертации, вместе со всеми библиографическими ссылками, шесть страниц (с. 50–56).

В первой главе диссертации автор в первую очередь создает список князей, о которых пойдет речь, а также того, какие русские князья погибли в ходе нашествия Батыя, какие спаслись бегством, а какие находились там, где нашествие их не затронуло. Выясняется, что первых было 13, вторых 18, третьих 6. Это не просто подсчет, но анализ упоминаний с обсуждением возникающих в ряде случаев «за» и «против»; при этом В.Н. Рудаков разумно ограничивается почти только тремя основными ранними летописями (Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I), отказываясь от соблазна учесть здесь сообщения поздних памятников, таких, например, как Никоновская летопись. Рассматриваются также данные о реальном участии князей в боевых действиях (которое было более скромным, чем может оказаться на первый взгляд).

Далее диссертант переходит к вопросу об отношении к сопротивлению со стороны книжников – авторов наиболее ранних описаний Батыева нашествия (в трех упомянутых летописях – Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I). Здесь он не просто констатирует наличие совершенно разных концепций: монголы – орудие гнева Господня и сопротивляться им бесполезно vs. монголы сильны и хитры, но летописец воспекает героическое сопротивление. Диссертант анализирует детали и нюансы, которые позволяют более четко охарактеризовать и понять взгляд

конкретных книжников и некую полемику между ними, отражавшую, очевидно, действительно разные взгляды, имевшие место среди древнерусской светской и церковной элиты непосредственно в период нашествия и в первые десятилетия после него. Это исследование включает как очень детальный анализ самих летописных рассказов, так и учет большого пласта древнерусских и переводных памятников, идеи которых могли повлиять на авторов летописных рассказов либо составляют к ним значимую аналогию.

Хочется отдельно отметить блестящий анализ В.Н. Рудаковым вопроса о «молодости» князя Всеволода Юрьевича, погибшего при захвате Батыем Владимира-на-Клязьме (с. 114–128). Исследователь не просто констатирует, что князю было уже около 25 лет, но анализирует всю совокупность упоминаний Галицко-Волынской летописи о молодости князей и в итоге показывает, что в данном случае имел место осознанный риторический прием книжника: посредством указания на «молодость» князя он охарактеризовал его поведение как инфантильное, немужественное – удачно при этом противопоставив его действительно, по-видимому, юному козельскому князю. Применительно к той же Галицко-Волынской летописи диссертант подробно анализирует эпитет «льстивый» (неоднократно примененный к монголам), который, как выясняется, отсылает не сколько к коварству монголов, сколько к их связи с дьяволом – что уже прямо противостоит взгляду других летописей на монголов как на орудие Божьего гнева (с. 130–134).

Дальнейший анализ (анализ более поздних источников – второй половины XIII – XVI в.) организован не хронологически, а по группам князей: отдельно изучается то, как эволюционировал образ князей, погибших в столкновениях с монголами; спасшихся бегством; находившихся в безопасном месте.

В.Н. Рудаков начинает с анализа описаний и трактовок действий рязанских князей, затем – сыновей Юрия Всеволодича; затем анализирует гибель самого Юрия, а также Василька Константиновича. Во всех этих случаях в диссертации представлен весьма тонкий анализ источников, включающий обращение к вопросу о неслучайности их перекличек и возможных общих источниках (письменных или устных). Хочется отметить очень тонкий и убедительный анализ трактовки образа Юрия Всеволодича в Лаврентьевской летописи, где летописец, зная о (в действительности) провальных действиях этого князя, попытался шаг за шагом выстроить образ христианина-мученика (с. 184–215).

Что касается князей, спасшихся бегством, – то это в первую очередь Михаил Всеволодич Черниговский (впоследствии принявший мученическую смерть в ставке Батыя и канонизированный) и Даниил Романович Галицкий. (Всего таких князей, включая несовершеннолетних, было 18, однако применительно к остальным нет возможностей для детального исследования). Здесь особенно интересен терминологический анализ: кто из князей «бѣжа», а кто, наоборот, «выѣха» и пр., проведенный на материале не только Галицко-Волынской летописи (основном источнике, рассказывающем о бегстве как Михаила Черниговского, так и Даниила Галицкого), но и на материале других источников и других случаев бегства князей (с. 297–306), а также дальнейший анализ отношения к бегству как к не обязательно предосудительной практике, анализ сообщения части редакций Жития Михаила Черниговского об убийстве им татарских послов, анализ бегства Юрия Всеволодича в сопоставлении с бегством Михаила Черниговского.

Четвертая глава посвящена Александру Невскому – тому из князей, находившихся в безопасном месте в момент нашествия, чей образ оказался наиболее

важен и востребован для многих поколений книжников. Главный источник здесь – Житие Александра Невского, памятник, в первоначальной редакции, видимо, созданный вскоре после смерти князя, в 1260-х годах или как минимум в последней трети XIII в., но впоследствии развивавшийся и трансформировавшийся под пером авторов его многочисленных редакторов. Эта часть диссертации как бы выходит за рамки исключительно проблем, связанных с нашествием Батыя: автор задается вопросом о причинах раннего возникновения почитания Александра. Исследователь не находит в тексте Жития весомых подтверждений бытующему мнению о важности фигуры Александра как оппонента латинского Запада; наоборот, как показывает В.Н. Рудаков, основной причиной была храбрость и военная удача Александра, что было исключительным явлением на фоне поражения русских князей от полчищ Батыя. Анализ Жития Александра Невского в диссертации В.Н. Рудакова – важный вклад в источниковедение этого очень известного, однако, как мне представляется, до сих пор не во всех отношениях изученного памятника, а анализ источников XVI в., отражающий развитие памяти об Александре Невском, – важный вклад в изучение памяти об этом князе (несмотря на то, что это – популярная и изучаемая тема в научной литературе, причем как отечественной, так и зарубежной).

Пятая глава посвящена памяти о Ярославе Всеволодиче и Борисе Васильковиче – тому, как из достаточно лапидарных сообщений наиболее ранних источников со временем развились беллетризованные рассказы. Борис Василькович с конца XV в. превратился в отрицательного персонажа, пошедшего на союз с Батыем, а Ярослав Всеволодич, наоборот, стал персонажем положительным. Применительно к Ярославу в диссертации содержится едва ли не монографическое исследование обстоятельств его биографии – в период нашествия Батыя и, особенно, связанных с кончиной князя и предполагаемым отравлением. Это очень тонкое исследование, являющееся важным вкладом одновременно в изучение истории XIII в. и исторической памяти об этом времени в более поздний период.

Очень интересен и анализ образов князей – современников нашествия Батыя в поздних (XV–XVI вв.) летописных сводах, чему уделяется внимание в соответствующих разделах второй–пятой глав. Здесь уже акцент смещается, естественно, с фактической стороны дела и полемики между современниками на историческую память о давних событиях и собственно историю летописных текстов (работа сводчиков с разными источниками, которые могли противоречить друг другу, и т.д.). Этот анализ ценен не только с точки зрения (главной для диссертации) проблематики исторической памяти, но и просто для летописеведения, поскольку анализируется то, как работали с текстом конкретные летописцы. Анализ летописных сводов логично дополняется анализом других источников, отразивших историческую память о князьях XIII в. – житийных памятников, Степенной книги и др.

В шестой главе В.Н. Рудаков помещает предпринятый им выше анализ памяти о событиях XIII в. в поздних памятниках книжности в исторический контекст XIV–XVI в. – изучает то, как события уже этого времени влияли на восприятие событий эпохи Батыева нашествия. Для понимания этого контекста анализируются произведения о Михаиле Тверском, о Куликовской битве, о нашествии Тохтамыша и действиях Дмитрия Донского в этот момент, о стоянии на Угре – т.е. о наиболее значимых эпизодах взаимоотношений русских князей с ордынцами, а также о некоторых событиях XVI столетия.

В целом, диссертация представляет собой масштабное и тщательное исследование исторической памяти о событиях нашествия Батыя и князьях, действовавших в это время, – от ранних летописных рассказов, сложившихся уже в XIII в., и вплоть до памятников XVI в., и от тщательного текстологического анализа вплоть до исторического контекста XIII–XVI вв.

Кроме решения основной задачи, выводы и наблюдения диссертации ценны с точки зрения истории ментальности. Речь о вопросах поведения в условиях противостояния превосходящему по силе врагу (что ценится в первую очередь – храбрость и героизм либо христианское смирение), об отношении к бегству, об отношении к практике убийства послов, о восприятии военной удачи Александра Невского в ситуации последствий нашествия Батыя, об отношении к предательству христианства, и мн. др. Замечательно, что В.Н. Рудаков обсуждает эти вопросы (некоторые из которых болезненны во все времена) спокойно, обстоятельно, с позиции, насколько это возможно, нейтрального, но стремящегося понять людей прошлого исследователя.

Также многие разделы диссертации могут быть востребованы как хорошо выполненный комментарий к фактической стороне дела: обсуждаются конкретные детали событий (в первую очередь действий и обстоятельств гибели князей, особенно Юрия Всеволодича, а также действий Ярослава Всеволодича в период Батыева нашествия и обстоятельств его смерти) с весьма полной сводкой ссылок на другие источники (включая иностранные) и на историографические мнения. В этом качестве диссертация В.Н. Рудакова может оказаться полезной многим историкам, включая начинающих, поскольку содержит очень полную сводку данных и возможных соображений о фактической истории нападения Батыя на Русь и сопротивления ему.

Хочется особенно отметить обстоятельность и фундированность рецензируемого текста, приличествующую жанру докторской диссертации. Все выкладки и аргументы изложены подробно, сопровождаются очень подробным библиографическим аппаратом; в конце глав ясно проговорены основные выводы всех их составных частей.

При прочтении хорошей научной работы обязательно возникают полемические соображения. Изложу некоторые.

Не совсем ясно, как автором проводится граница между книжниками – современниками нашествия Батыя (о них – первая глава) и книжниками второй половины XIII в. Есть три древнейших летописи – Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I – рассказы которых, очевидно, близки по времени записи к событиям. При этом во всех трех случаях нет полной уверенности в том, что эти тексты записаны непосредственно после событий и не подвергались впоследствии интерполяциям. Наиболее уверенно об этом можно говорить применительно к рассказу Новгородской I летописи (он, вероятно, составлен современником), но и здесь теоретически возможны редакторские вмешательства в текст вплоть до 1330 г. (время написания соответствующей части дошедшего до нас Синодального списка). В случае Лаврентьевской летописи многослойность более чем вероятна (о чем В.Н. Рудаков и пишет), однако, с одной стороны, вполне вероятно, что древнейший пласт всё-таки написан современником, а с другой – не исключено частичное дополнение текста уже в 1377 г. (см. чуть ниже). В случае Ипатьевской летописи мы имеем дело с памятником, окончательно сложившимся в конце XIII в. – Галицко-Волынской летописью, – однако до конца не ясны время включения в нее рассказов

о нашествии Батыя, объем и характер их редактуры, время их первоначального написания, а также то, один ли это рассказ изначально, или два, или более.

Я уже отмечал очень тонкий анализ В.Н. Рудаковым того, как в Лаврентьевской летописи выстраивается (искусственно и в полемике с, очевидно, имевшей место памятью о реальных действиях князя) положительный образ Юрия Всеволодича как христианина, принявшего мученическую смерть. Диссертант учитывает здесь всю существующую историографию и добавляет к ней немало своих соображений и, что очень важно, целостность видения подхода летописца к выстраиванию образа Юрия (с. 184–215). Однако одна сторона дела, как мне представляется, не нашла должного отражения в диссертации. Дело в том, что в историографии не раз высказывалось предположение о том, что повышенное внимание к Юрию Всеволодичу в Лаврентьевской летописи – результат деятельности непосредственно создателей Лаврентьевского списка 1377 г., весьма вероятно, созданного в Нижнем Новгороде – городе, который в 1221 г. основал Юрий Всеволодич. Вопрос тесно связан с вопросом о соотношении Лаврентьевской и Симеоновской (восходящей к сгоревшей в 1812 г. Троицкой) летописей. Если, как считал Г.М. Прохоров, Троицкая/Симеоновская восходят к дошедшему до нас Лаврентьевскому списку, то исследователь получает свободу рассуждений о роли писцов Лаврентьевского списка в создании положительного образа Всеволода. Если же Лаврентьевская и Троицкая/Симеоновская восходят к общему протографу («своду 1305 г.»), то их тогда любые их общие чтения – не позднее 1305 г., а вероятно – раньше, и деятельность нижегородских книжников второй половины XIV в. здесь ни при чем. На мой взгляд, справедлива вторая точка зрения. Однако и тут не всё просто: дело в том, что часть повествования о нашествии Батыя заменена в Симеоновской летописи на текст Московского свода конца XV в., и в этих фрагментах у нас нет контрольного текста – здесь мы снова получаем ту самую свободу рассуждений. И как раз похвала Юрию Всеволодичу находится в такой зоне, где у нас нет контрольного текста в виде Симеоновской летописи. Это делает данный сюжет весьма сложным, но обязательно требующим учета аргументов сторонников «нижегородской» версии (В.Л. Комарович, Г.М. Прохоров, А.А. Кузнецов и др.) и рассмотрения вопроса о возможной многослойности этого текста и о датировке разных его слоев (а она возможна в пределах от середины XIII в. до 1377 г.!). В пользу 1377 года и «нижегородской» версии говорит упоминание в похвале строительства Нижнего Новгорода как важного деяния Юрия. Кстати, с этим связан вопрос о причинах неиспользования похвалы Юрию Всеволодичу в компиляциях XV в. Если верна «нижегородская» версия, то, вопреки диссертанту (с. 247), не следует искать причины «исключения» похвалы – ее просто не было в том варианте текста, который оказался в руках этих сводчиков.

В связи с вопросом как об исторической памяти о Батыевом нашествии, так и об отношении к бегству с поля боя, интересный казус дает новгородское летописание. В статье 1238 г. древнейшего Синодального списка Новгородской I летописи в словах «москвичи же побегоша» затерто слово «побегоша», которое восстанавливается по спискам Новгородской I летописи младшего извода. В.Н. Рудаков дважды упоминает об этом казусе: в связи с анализом боевых действий (на с. 161, в примеч. 75, однако только указывает, что в Синодальном списке текст дефектен и восстанавливается по Новгородской I летописи младшего извода) и в связи с вопросом о бегстве как распространенном и отнюдь не всегда осуждаемом практическом решении (в примеч. 123 на с. 312 – здесь диссертант упоминает о том,

что слово «побегоша» в Синодальном списке выскоблено). Однако давно замечено, что это выскабливание было политически тенденциозным и составляет параллель к другому промосковскому исправлению в том же Синодальном списке (в статье 1333 г.). Хотя в случае с «побежавшими» москвичами речь не про князей, а про общность горожан, факт осознанного выскабливания интересен с точки зрения проблемы отношения к бегству в разные исторические периоды.

Очень ценен параграф 4.2.2, в котором проводится параллель между образами Александра Невского и Михаила Черниговского в древнерусской книжности. Этот параграф (с. 403–412) написан на материалах XVI в., однако хотелось бы обратить внимание на существенно более ранний случай некоторого параллелизма между двумя князьями-современниками. Житийные произведения об обоих были включены в новгородскую летопись, где представляют собой очевидные вставки (они отсутствуют в древнейшем Синодальном списке Новгородской I летописи, чужды окружающему тексту в жанровом плане, а также иногда вставлены в не вполне логичных местах). Время этой вставки определялось по-разному. С моей точки зрения, это, вероятно, 1346 год, но предполагалось и более позднее время (конец XIV или начало XV в.). Как бы то ни было, эти два житийных текста составляют в новгородском летописании явную пару, а значит – отражают некоторый параллелизм между Александром Невским и Михаилом Черниговским в представлении новгородских книжников. Тем более что, если связь Александра Невского и его подвигов с Новгородом понятна, то включение в новгородскую летопись Жития Михаила Черниговского не имеет очевидного объяснения.

Пара совсем мелких замечаний. Иногда В.Н. Рудаков пишет «Ипатьевская летопись» («Ипат.») там, где следовало бы сказать «Галицко-Волынская летопись» – очевидно, чтобы избежать слишком частого повторения последнего трехсоставного названия. Например, рассматривая упоминания «молодых» князей (в связи с вопросом о «молодости» Всеволода Юрьевича) автор постоянно говорит «Ипат.» хотя в действительности все рассматриваемые примеры относятся к той части Ипатьевской летописи, которую называют «Галицко-Волынской летописью». Поскольку речь идет не об Ипатьевской летописи как о дошедшем до нас своде, и не об Ипатьевском списке начала XV в., а об анализе текста за XIII в., занимающего в составе Ипатьевского свода обособленное положение, корректнее (яснее) было бы говорить «Галицко-Волынская летопись».

В диссертации встречаются отдельные повторы. Так, сноска 98 на с. 93 и сноска 20 на с. 144–145 повторяют сноску 114 на с. 38 – все три содержат библиографию по вопросу о возможном рязанском происхождении рассказа Новгородской I летописи о нападении Батые на Рязань. Механизм возникновения подобных повторов в большом, обобщающем труде вполне понятен, однако лучше было бы в этих случаях сделать ссылку вроде «См. примеч. такое-то к главе такой-то».

Высказанные частные замечания не влияют на общую, весьма высокую оценку диссертации В.Н. Рудакова. Диссертация является абсолютно оригинальным, новаторским научным трудом. Выводы диссертации имеют научную и практическую значимость, в том числе для истории и источниковедения средневековой Руси, истории исторической памяти, истории ментальности, истории древнерусской литературы, книжности и летописания.

Основные выводы диссертации нашли отражение в опубликованных монографиях и статьях ее автора. Содержание и структура работы адекватно отражены в автореферате.

Диссертация В.Н. Рудакова «Русские князья – современники нашествия Батыя в отечественном историописании второй половины XIII – XVI в.» соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук. Работа соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. – Отечественная история (п. 8, 9, 12, 13, 17, 18, 24). Диссертация отвечает требованиям п. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства России от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 25 января 2024 г.), а ее автор, Рудаков Владимир Николаевич, заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Доктор исторических наук, профессор РАН, вед. науч. сотр., зав. Отделом истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН

Т.В. Гимон

30 апреля 2026 г.

Официальный оппонент:

Гимон Тимофей Валентинович,

доктор исторических наук (специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторических исследований),

профессор РАН,

ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории Византии и Восточной Европы

Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Контактные данные организации:

адрес: Москва, 119334, Ленинский пр-т 32

сайт: igh.ru

тел.: +7(495)938-13-44

e-mail: dir@igh.ru

Т.В.
Гимон

